С. Ю. НЕКЛЮДОВ

Неклюдов Сергей Юрьевич
доктор филол. наук, профессор,
Центр типологии и семиотики фольклора,
Российский государственный гуманитарный университет
Россия, 125993, ГСП-3, Москва, Миусская пл., 6
Тел.: +7 (499) 973-43-54
заведующий, Лаборатория теоретической фольклористики,
ШАГИ РАНХиГС
Россия, 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82
Тел.: +7 (499) 956-96-47
E-mail: sergey.nekludov@gmail.com

ЭПОС В МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Аннотация. Героический эпос — жанр устной и книжной словесности, повествующий о чрезвычайных деяниях и событиях мифологического или квазиисторического прошлого, — формируется в эпоху появления племенных объединений и затем раннегосударственных образований. Однако его активное бытование продолжается далеко за пределами этой эпохи, когда ранее сложившиеся формы получают новые актуальные осмысления (обычно — в духе народного патриотизма) и ложатся в основу позднеэпических жанровых новообразований.

Архаический эпос остается верен мифологической интерпретации описываемых событий, а в его сюжете прослеживаются биографические контуры архаической богатырской сказки. В «классическом» эпосе образы эпических героев и их антагонистов демифологизированы, место демонических противников занимают обобщенные фигуры исторических врагов, а в эпическом конфликте преломляются воспоминания о действительных исторических событиях. При этом эпос — не примитивная фиксация исторических событий, а конструирование из исторических воспоминаний своего (эпического) мира и своей (эпической) модели истории.

Наконец, книжным эпосом, к которому обычно причисляется не более двух десятков произведений мировой литературы, в фольклористике и литературоведении обычно называют тексты древней и средневековой словесности, которые, как предполагается, непосредственно отражают устные эпические традиции, но затем получают окончательную обработку уже в ходе их литературной фиксации.

© С. Ю. НЕКЛЮДОВ

Ключевые слова: эпос, архаика, мифология, история, типология, «малые» и «большие» формы, текст, цикл, циклизация биографическая и генеалогическая, богатырская сказка, жанровые новообразования, сюжет, мотив, герой, антагонист

1

Как известно, героическим эпосом называется жанр устной и книжной словесности, который повествует о чрезвычайных деяниях и событиях мифологического или квазиисторического прошлого.

В отличие от сказки с ее установкой на вымысел, героический эпос, относящийся — с точки зрения самой традиции — к числу «достоверных» повествований, сравнительно редко является предметом культурного заимствования: замечено, что чужие верования усваиваются труднее, чем чужие вымыслы [Bédier 1893: 243 sq.; Савченко 1914: 485][1]. Впрочем, он все же разрабатывает ряд так называемых бродячих сюжетов («Бой отца с сыном», «Муж на свадьбе своей жены» и др. [Жирмунский 2004: 221–231; Ясон 2006: № 5.1.4.1, 13.1.0.2; Петров 2008: № IV.B.2, V.C.1; Смирнов 2010: № IX.1, XI]), распространенность которых скорее всего является результатом культурной диффузии. Тем не менее структурному и содержательному единообразию эпоса народов мира дается преимущественно типологическое объяснение.

На содержательном уровне типологически общими оказываются все характерные эпические ситуации и коллизии — биографические («матримониальные») и воинские. Это такие эпизоды и мотивы, как *чудесное происхождение*, *героическое детство*, *богатырское сватовство*, *поединок с девой-богатыршей, похищение жены и ее возвращение, взаимоотношения братьев/побратимов*, *змееборство и другие формы борьбы с чудовищами*, *осада и взятие города в результате военной хитрости или предательства*, *финальное окаменение героя или его уход в скалу* и многие другие [Heissig 1979: № 1–14; Ясон 2006: № 1–14; I–III; Петров 2008: № I–VIII; Смирнов 2010: № I–XIII; Кузьмина 2005].

На структурном уровне типологически единообразными являются принципы жанрово-композиционного построения эпоса. Это касается «малых» и «больших» эпических форм (различающихся не столько размером, сколько событийным охватом повествования — от одного-двух эпизодов до целого жизнеописания героя или даже двух поколений героев), причем произведение «малого» эпоса сплошь и рядом оказывается «одноходовым» (завершенный эпизод соответствует одному сюжетному «ходу» повествования).

[1] Ср.: «Именно такие романически-занимательные, новеллистические или сказочно-фантастические сюжеты и мотивы, отличающие новую тематику эпоса романического от героического стиля более ранней эпохи, легче всего заимствуются из одной литературы в другую, а на Западе в средние века нередко заимствовались из восточных источников» [Жирмунский 2004: 143].

Трудно сказать, какая из данных форм — «малая» или «большая» — является более архаичной. Опыт сравнительно-исторической фольклористики, на котором я остановлюсь несколько позднее, скорее свидетельствует в пользу «малой» формы (типа палеоазиатских героических сказаний, карело-финских рун и т. п.), тогда как пространные «эпопеи» (например, у тюрко-монгольских народов Сибири и Центральной Азии), вероятно, возникают позднее. В изучении конкретных эпических (преимущественно книжноэпических) памятников отражением этой стадиально-типологической проблематики стал давний спор «унитариев», отстаивавших концепцию изначальной целостности подобных текстов, с «аналитиками», обосновавшими концепцию формирования «большой формы» из коротких песен, «малых кантилен», лежащих в ее основе (Ф. Вольф о гомеровских поэмах; К. Лахманн о «Нибелунгах», К. Фориель и Г. Парис о «Роланде» и др.), или из «первоначального ядра» Г. Германна (применительно к гомеровскому эпос) [Хойслер 1960: 297–341; Коккьяра 1960: 308–311; Bédier 1912: 201 sq.; Гринцер 2003: 3–16]. На тех же идеях основываются надежды на появление больших национальных эпопей, которые якобы должны возникать из народных песен и баллад (И. Г. Гердер, Г. А. Бюргер). В полной мере этот романтический проект весьма успешно осуществил Э. Лённрот, подаривший миру не существующую в финском фольклоре «Калевалу».

В самих устных традициях подобный процесс по крайней мере не универсален. Даже если признать описанную схему работающей, приходится предположить, что «малые» и «большие» формы могут появляться и исчезать, не эволюционируя и не превращаясь друг в друга, хотя проблема их соотносительной типологической архаичности все-таки остается. Кроме того, «малые» эпические формы возникают и на позднем витке фольклорного развития (русские былины, сербский эпос и т. д.; к еще более поздним эпическим формам относятся, например, традиционные европейские баллады). Едва ли они способны синтезироваться в большую эпопею, однако они подпадают под действие законов эпической циклизации, которая в свою очередь бывает двух видов: «линейная» и «концентрическая».

В первом случае речь идет о выстраивании в традиции более или менее связного жизнеописания богатыря (циклизация биографическая) и/или нескольких поколений богатырей (циклизация генеалогическая). Замечательным примером является армянский эпос, объединивший целых четыре поколения героев, каждый из которых имеет и свою индивидуальную «богатырскую биографию» (обычно, как, скажем, в киргизском «Манасе» или бурятском «Абай Гэсэре», данная последовательность не превышает трех поколений).

Во втором случае основой циклизующего процесса является объединение относительно небольших, как правило, «одноходовых» песен, не связанных сквозным сюжетом; общими остаются лишь персонажи цикла, локализация событий в пространстве и во времени, определенная эпиче-

ская эпоха и эпическое государство с эпическим владыкой во главе (таковы, например, калмыцкий «Джангар» или киевские былины русского эпоса). Подобного рода цикл строится не на биографических началах, хотя иногда имеет место и некоторое хронологическое упорядочивание эпизодов, относящихся к жизни главного героя (среди русских богатырей это в особенной степени относится к Илье Муромцу, отчасти к Добрыне Никитичу, Василию Буслаевичу и к некоторым другим).

Иной вариант эволюционного развития предлагает теория «первоначального ядра», порождающего «большую» эпическую форму в результате своего «разбухания». Этот механизм выглядит вполне представимым. Так, повествование может разрастаться за счет повторной разработки темы, представленной в первом сюжетном «ходе». По отношению к прохождению свадебных испытаний и женитьбе это будет похищение и возвращение похищенной жены, по отношению к воинской коллизии — повторение богатырского поединка, но уже с сыном, братом, отцом врага и т. д. Удваиваются персонажи (например, предполагается, что в армянском эпосе оба Мгера — старший и младший — могут восходить к одному образу). Как имя нового персонажа может быть воспринят эпитет героя, что приводит к разработке новых эпизодов (и даже новых сюжетов). Разрастается экспозиция повествования: описание обстоятельств рождения героя, рассказ о его родителях и т. д. [Неклюдов 1974].

Другой случай — сюжетные мотивировки, которые при всем своем вспомогательном характере способны разворачиваться в самостоятельное повествование. Наконец, необходимость устранения какой-либо фабульной несообразности, возникающей в результате композиционной компоновки эпизодов, также приводит к появлению новых сюжетных звеньев (как, например, в монгольской книжноэпической Гесериаде). Надо добавить, что акт эпического новообразования, вероятно, сначала осуществляется в рамках сказительской импровизации — как вариационная разработка тех или иных тематических элементов эпоса; увеличение же «амплитуды варьирования» приводит к расподоблению «исходного» текста и его новой редакции, продолжающей бытовать уже в статусе нового произведения [Неклюдов 1994; Nekljudov 1996].

Героический эпос связан с этническим самосознанием, формирующимся в процессе племенных консолидаций и появления раннегосударственных образований, причем «концентрическая» циклизация прямо отражает подобные процессы — эпос оказывается их своеобразной «культурной проекцией» (как, скажем, это происходит в калмыцком «Джангаре»). Собственно, продуктивный период рождения и жизни эпоса относится именно к этим эпохам, хотя его активное бытование продолжается далеко за их пределами, когда сложившиеся формы получают актуальные осмысления (обычно — в духе народного патриотизма) и ложатся в основу позднеэпических жанровых новообразований (балладных, романических, пародийных и др.). Жанровыми новообразованиями героического эпоса являются

исторические песни, использующие многие принципы эпической поэтики, но повествующие уже о «реальном» прошлом, хотя и деформированном народной фантазией.

К этому надо добавить, что основной формой устного эпоса следует считать стихотворную, песенную (речитативную; с инструментальным сопровождением или — в более архаических традициях — без него), а объем его текстов колеблется в огромных пределах: от нескольких десятков до нескольких десятков тысяч строк. Одно связано с другим, возможности хранения и устной передачи столь больших объемов текста заключены именно в метрически упорядоченном повествовании; таким образом, фольклорная мнемотехника многое объясняет и в эпической поэтике. Метрическую организацию обычно имеют те фрагменты прозопоэтического повествования, которые заключают в себе прямую речь или эпические описания (седлание коня, богатырская поездка, поединок и т. п.), т. е. наиболее характерные для данного жанра части.

2

Как это следует из всего сказанного выше, различаются по крайне мере две типологические формации эпоса. Назовем первую а р х а и ч е с к о й, а вторую — «к л а с с и ч е с к о й».

Архаический эпос (тюрко-монгольский в Центральной Азии и Южной Сибири, карело-финский, северокавказский «нартский» и др.) складывается на базе мифов об очищении земли от чудовищ культурным героем и преданий о межплеменных столкновениях [Мелетинский 1963: 21–94]. Он остается верен мифологической интерпретации описываемых событий, а в его сюжете прослеживаются биографические контуры архаической *богатырской сказки* [Жирмунский 2004: 210–231], причем «свадебная» и «воинская» темы часто разрабатываются до некоторой степени автономно. Мотивы деятельности героя архаического эпоса объективно совпадают с общеплеменными интересами, со стремлением к гармонизации миропорядка, с подавлением хтонических и демонических сил, с организацией ряда социальных институтов и т. д. При этом свое племя осмысливается как весь человеческий род, противостоящий «нелюдям» — мифологическим демонам и враждебным иноплеменникам.

Перемещения героя по эпическому пространству и его поединки с противниками зачастую имеют «шаманский» характер. Это выражается в способах пересечения границ между различными областями мифологического космоса, а также в использовании противоборствующими сторонами различных сверхъестественных возможностей, чудесных помощников, волшебных средств, причем мера подобного использования находится в прямой зависимости от того, кто выступает противником богатыря, точнее, какой набор признаков в нем преобладает: мифологический или этнический (впрочем, наряду с «чистыми» случаями существует множество «промежуточных»: эпическое чудовище обретает иноэтнические черты,

а враждебный иноплеменник, напротив, столь же легко мифологизируется). В основе сближения «шаманской» и «эпической» поэзии лежит их типологическое сходство, а в ряде случаев — и их значительные соприкосновения [Hatto 1970], хотя полностью эти традиции никогда не сливаются и едва ли происходят из общего источника; скорее, речь должна идти об их более или менее тесном взаимодействии [Боура 2002: 12–15].

Богатырской сказкой В. М. Жирмунский [Жирмунский 1960; 1974: 117–348] назвал определенный тип героического эпоса архаической формации, построенный на коллизиях «богатырской биографии» (чудесное рождение, героическое детство, героическое сватовство, потеря и повторное обретение невесты/жены и т. д.) и богато представленный, например, у тюркомонгольских народов Южной Сибири (бурят, якутов, алтайцев, шорцев, тувинцев). По мнению Е. М. Мелетинского [Мелетинский 1961], содержательно — это то же явление, которое В. Я. Пропп [Пропп 1945] определял как «догосударственный эпос». Книга Проппа «Русский героический эпос» начинается именно с рассмотрения подобного «догосударственного эпоса», который, по мнению автора, представляет собой форму, стадиально (и даже исторически) предшествующую русской былине [Пропп 1958: 29–58].

Следует добавить, что существует точка зрения, согласно которой былина прямо возникает из волшебной сказки, а именно из ее «героических» сюжетов [Alexander 1973], однако это вступает в противоречие с другими концепциями генезиса эпоса, разработанными на более широком сравнительно-типологическом материале. Родство героико-эпической поэзии и волшебно-героической сказки, по-видимому, объясняется иначе, здесь мы скорее имеем дело с параллельными линиями жанрового развития, что, впрочем, отнюдь не исключает влияния волшебно-сказочных сюжетов на некоторые былины.

Е. М. Мелетинский [Мелетинский 1963: 77–94] использует термин *богатырская сказка* только для обозначения наиболее ранней «предэпической» формы повествовательного фольклора (например, у чукчей, нивхов, угро-самодийских, тунгусо-маньчжурских и некоторых других сибирских народов) — из нее вырастают и собственно героический эпос, и волшебно-героическая сказка; впоследствии автор употребляет по отношению к данному материалу термин *героическая сказка* [Мелетинский 1986: 62]. В ней окончательно не завершена эмансипация героической личности, чья деятельность зависима еще почти исключительно от получаемых извне магических возможностей.

Надо добавить, что за пределами российской научной традиции этим двум терминам (сказка *богатырская* и *героическая*) будет соответствовать один (*heroic fairy tale*, *conte héroïque*, *Heldenmärchen*) [Jason 1975: 45–46]. Впрочем, терминологической точности и здесь нет, данное выражение обозначает как определенные группы волшебных сказок героического типа (AaTh 300–301, отчасти AaTh 550–551), так и небольшие (как правило, прозопоэтические) эпические тексты, возникающие в результате

частичной прозаизации эпической песни [Lőrincz 1970; Kara 1970: 210]. В русском фольклоре также имеются позднейшие сказочные переложения эпических сюжетов — так называемые сказки о былинных богатырях [Астахова 1962].

Подобная терминологическая неустойчивость не случайна. Причина кроется в наличии общих типологических характеристик у разных групп текстов (как правило, родственных) и имеет определенную историческую обусловленность. Как уже упоминалось, архаическая богатырская сказка является предшественницей наиболее ранних форм героического эпоса и столь близка к ним, что грань между разными жанрами подчас провести затруднительно. Однако она принимает участие и в генезисе «классической» волшебной сказки, будучи особенно тесно связана с волшебной сказкой героического типа. С другой стороны, если архаическая богатырская сказка стоит у истоков героического эпоса, то позднейшую «сказку об эпических богатырях» можно рассматривать как одну из завершающих ступеней его эволюции: процессы зарождения и разрушения жанра, таким образом, оказываются до известной степени симметричными. Характерно, что в ряде случаев подобная «сказка об эпических богатырях» может обнаруживать черты значительного сходства с волшебно-героической сказкой: см. сказки об Илье Муромце, Алеше Поповиче, Василии Буслаевиче, Дюке Степановиче, Дунае Ивановиче и Добрыне Никитиче, разработанные в рамках сюжетного типа о необычном силаче AaTh 650 (CУС –650C*, –650CD*, –650E*, –650F*, –650G*), в свою очередь тесно связанного с сюжетным типом AaTh 301 A, а особенно — с AaTh 301 B.

3

О «героическом характере» эпических деяний и эпической эпохи как о главном, конституирующем жанровом признаке эпоса говорят все ведущие эпосоведы. «Героический характер» возникает тогда, когда формируется новое — по сравнению с более глубокой родоплеменной архаикой — отношение к возможностям (в том числе — к физическим возможностям) отдельной человеческой личности [Боура 2002: 5–10] и, соответственно, появляется новая система этических и эстетических ценностей. При этом «героическое» понимается почти исключительно как «воинское» (или «богатырское», если использовать это русское слово, чрезвычайно удачно выражающее нужный смысл), а центральным эпическим персонажем становится в первую очередь именно воин.

По-видимому, в рамках той же системы ценностей складываются тесно связанные между собой жанры героического панегирика и героического плача [Боура 2002: 15–22], принимаемые некоторыми исследователями за источник самой героической поэзии. Это едва ли так. Несмотря на очевидную близость — стилистическую и даже содержательную (на уровне отдельных мотивов), — воспевание выдающихся качеств и заслуг витязя или вождя имеет слишком низкие потенции сюжетопорождения, в то время как

известные нам эпические сюжеты встречаются и в других, не менее древних жанрах (прозаических сказках), с панегирической поэзией никак не связанных. Скорее наоборот, героический панегирик и героический плач сами могут испытывать влияние эпической топики и стилистики, что особенно хорошо прослеживается по жанровым образцам такого рода, прямо включаемым в героико-эпические повествования. Так, «обрядовые плачи (*жоктау*) ‹…› в числе других нередко встречаются и в народном эпосе казахов и киргизов — плач по Манасу его жены Каныкей или плач самого Манаса по Алмамбету, в казахской былине “Ер-Саин” — плач Аю-бикеш и многие другие. Можно думать, что плач о Манасе, приписываемый [его матери] Кара-улек, также сложился на основе эпического сказания» [Жирмунский 1974: 405]. Назовем кроме того плач по Чингису, сохранившийся в летописной традиции XVII–XVIII вв. [Krueger 1961: 104–111; Sagaster 1970], и другие аналогичные тексты.

Осознание самоценности отдельной личности, защитника (~ вождя) своего племени — наряду с осознанием самоценности этого самого племени — парадоксальным образом приводит к противопоставлению двух не вполне совпадающих этико-эстетических систем (так сказать, коллективистской и индивидуалистической). Это, в свою очередь, обусловливает, во-первых, специфику характера богатыря — гневливого и обидчивого строптивца, не умеющего или не желающего соизмерять с требованиями целесообразности свою сверхчеловеческую силу, а во-вторых, драматические сюжетные коллизии (конфликты с единоплеменниками и с «эпическим владыкой») — вспомним Ахилла, Илью Муромца, Сида (в особенности — согласно поэме «Родриго», XIV в.) и других эпических богатырей. Однако подобное чаще наблюдается уже в «классическом» эпосе.

4

В «классическом» эпосе образы эпических героев и их антагонистов демифологизированы, а место демонических противников занимают обобщенные фигуры исторических врагов. В эпическом конфликте преломляются воспоминания о действительных исторических событиях (битва на Курукшетре в «Махабхарате», Троянская война в «Илиаде», сражение в Ронсевальском ущелье в «Песни о Роланде», Сасунское восстание против Халифата в армянском эпосе, татаро-монгольское нашествие в русской былине и т. п.). Соответственно, здесь получает наивысшее выражение пафос защиты страны от завоевателей, в именах же персонажей зачастую прочитываются имена подлинных исторических лиц (Владимир в русских былинах, Марко Кралевич в эпосе сербском или Сид в староиспанском).

Однако следует напомнить, что эпос — это не примитивная фиксация исторических событий, не фантастическое описание исторических лиц, не дурной способ хранения информации, а конструирование из исторических воспоминаний своего — эпического — мира, «эпической модели истории» [Путилов 1970: 15]. Изображаемым в эпосе «макрособытиям» (например,

великим битвам с их триумфальными победами и трагическими поражениями и т. п.) в реальной жизни обычно соответствует целая серия локальных событий (скажем, сражений и войн), происходивших на протяжении весьма длительных периодов времени. За обобщенным образом персонажа стоят воспоминания сразу о нескольких деятелях исторического прошлого, им приписывается участие в событиях, к которым они не имели (и исторически не могли иметь) отношения. Так, в образе Карла старофранцузского эпоса, помимо самого Карла Великого, каким-то образом отразились отдельные черты его деда Карла Мартелла и его внука Карла Лысого. Коварный предатель Ганелон (согласно «Песни о Роланде», отчим героя), по-видимому, восходит к фигуре архиепископа Санского Ганелона, приговоренного Карлом Лысым к казни за измену, но затем прощенного (в наиболее ранних сюжетных версиях он отсутствует). Исторический реймсский епископ Турпен, соратник героя в «Песни о Роланде» (и псевдоавтор подложной хроники «История Карла Великого и Роланда») в испанском походе Карла вообще не участвовал [Смирнов 1964: 141, 144–146, 147] и т. д.

Можно значительно увеличить количество примеров, иллюстрирующих процессы селекции, компрессии, интерпретации воспоминаний о героях и событиях исторического прошлого в «классическом» эпосе — и книжном, и устном (вспомним обо всех возможных прототипах князя Владимира и некоторых других персонажей былины, как, впрочем, и самого былинного Киева). Однако наиболее существенно то, что эти подлинные имена, реалии, топонимы накладываются на весьма устойчивые и гораздо более древние повествовательные структуры (в том числе — прямо восходящие к архаической богатырской сказке); весь «историзм» героического эпоса практически сводится именно к ним. Если их убрать (например, из русской былины), то, в сущности, там не останется ни одного исторически достоверного события (даже в такой видоизмененной форме, в которой они присутствуют в исторической песне) — данный факт решительно не хочет замечать русская «историческая школа» (во всех ее модификациях). В этом смысле «типология» господствует над «историей» не только в архаическом, но и в «классическом» эпосе. «Эпический мир по существу не поддается реально-исторической идентификации, он не возводим к какому-либо историческому периоду» [Путилов 1988: 8], а в его формировании принимают участие еще недостаточно исследованные механизмы отбора, иерархизации, редукции и компрессии жизненного материала, точнее — его проекций в общественной памяти [Неклюдов 2003].

* * *

Книжным эпосом, о памятниках которого рассказывается в статьях, публикуемых в данном разделе[2], в фольклористике и литературоведении

[2] Здесь представлены фрагменты готовящейся к печати коллективной монографии «Памятники книжного эпоса Запада и Востока» (сост. и ред. С. Ю. Неклюдов, Н. В. Петров).

обычно называют тексты древней и средневековой словесности, которые, как предполагается, непосредственно отражают устные эпические традиции, но затем получают окончательную обработку уже в ходе их литературной фиксации. К ним обычно причисляют не более двух десятков произведений мировой литературы, в том числе шумеро-аккадский эпос о Гильгамеше («О Все Видавшем»), древнегреческие «Илиада» и «Одиссея», древнеиндийские «Махабхарата» и «Рамаяна», древнеирландская повесть «Похищение быка из Куальнге», древнеанглийская эпическая поэма «Беовульф», героические песни «Старшей Эдды», средневековая немецкая «Песнь о Нибелунгах», старофранцузская «Песнь о Роланде», староиспанская «Песнь о моем Сиде», тюркская (огузская) «Книга моего деда Коркута», тибето-монгольская «Гесериада» и некоторые другие образцы древней и средневековой словесности.

Понятие *книжный эпос* обретет значимость только в той ситуации, когда появляется потребность отделить подобные эпические произведения, сохраненные лишь литературной традицией, от текстов «живого» эпоса, бытующих исключительно в устной словесности. Памятники книжного эпоса, в сущности, не составляют никакого жанрового единства, их многочисленные типологические схождения лежат скорее в области предполагаемых прототипических устных фольклорных текстов. В породивших же их культурах и национальных литературных традициях они занимают разное положение; соответственно, могут существенно различаться и проблемы их исследования в тех или иных научных традициях, хотя справедливости ради следует отметить, что именно изучение книжноэпических памятников древности и Средневековья, впервые предпринятое еще в XIX в., явилось также и началом научного эпосоведения.

Литература

Астахова 1962 — *Астахова А. М.* Народные сказки о богатырях русского эпоса. М.; Л.: Наука, 1962. 120 с.

Боура 2002 — *Боура С. М.* Героическая поэзия / Пер. с англ. Н. П. Гринцера, И. В. Ершовой. М.: Нов. лит. обозрение, 2002. 791 с.

Гринцер 2003 — *Гринцер Н. П.* Первые поэмы Европы // *Гомер*. Илиада. Одиссея. М.: АСТ, 2003. С. 5–16.

Жирмунский 1960 — *Жирмунский В. М.* Сказание об Алпамыше и богатырская сказка. М.: Наука, 1960. 335 с.

Жирмунский 1974 — *Жирмунский В. М.* Тюркский героический эпос. Л.: Наука, 1974. 727 с.

Жирмунский 2004 — *Жирмунский В. М.* Фольклор Запада и Востока: Сравнительно-исторические очерки / Сост. Б. С. Долгин, С. Ю. Неклюдов. М.: ОГИ, 2004. 464 с.

Коккьяра 1960 — *Коккьяра Дж.* История фольклористики в Европе. М.: Изд-во иностр. литры, 1960. 690 с.

Кузьмина 2005 — *Кузьмина Е. Н.* Указатель типических мест героического эпоса народов Сибири (алтайцев, бурят, тувинцев, хакасов, шорцев, якутов): Экспериментальное издание / Отв. ред. Н. А. Алексеев. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. 1382 с.

Мелетинский 1961 — *Мелетинский Е. М.* [Рец.:] В. М. Жирмунский. Сказание об Алпамыше и богатырская сказка. М.: ИВЛ, 1960 // Проблемы востоковедения. 1961. № 1. С. 177.

Мелетинский 1963 — *Мелетинский Е. М.* Происхождение героического эпоса. Ранние формы и архаические памятники. М.: Наука, 1963. 462 с. (Переизд.: М.: Вост. лит., 2004).

Мелетинский 1986 — *Мелетинский Е. М.* Введение в историческую поэтику эпоса и романа. М.: Наука, 1986. 318 с.

Неклюдов 1974 — *Неклюдов С. Ю.* «Героическое детство» в эпосах Востока и Запада // Историко-филологические исследования: Сб. ст. памяти акад. Н. И. Конрада. М.: Наука, 1974. С. 129–140.

Неклюдов 1994 — *Неклюдов С. Ю.* Новотворчество в эпической традиции // Поэтика средневековых литератур Востока: Традиция и творческая индивидуальность / Отв. ред. П. А. Гринцер, А. Б. Куделин. М.: Наследие, 1994. С. 220–245.

Неклюдов 2003 — *Неклюдов С. Ю.* Славная гибель доблестного Роланда и таинственное рождение маркграфа Хруодланда // *Путилов Б. Н.* Фольклор и народная культура; In memoriam. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. С. 352–364.

Петров 2008 — *Петров Н. В.* Указатель эпических сюжетов // Петров Н. В. Богатыри на русском Севере: Сюжеты и ареалы бытования. М.: Фонд поддержки экономического развития стран СНГ, 2008. С. 217–396 (Ломоносовская библиотека).

Пропп 1945 — *Пропп В. Я.* Чукотский миф и гиляцкий эпос // Научный бюллетень ЛГУ. 1945 № 4. С. 29–30 (Переизд.: *Пропп В. Я.* Фольклор и действительность: Избр. ст. М.: Наука, 1976. С. 300–302).

Пропп 1958 — *Пропп В. Я.* Русский героический эпос. М.: ГИХЛ, 1958. 604 с.

Путилов 1970 — *Путилов Б.* О структуре сюжетообразования в былинах и юнацких песнях // Македонски фолклор. Година III. Број 5–6. Скопје: Институт за фолклор, 1970. С. 9–24.

Путилов 1988 — *Путилов Б. Н.* Героический эпос и действительность. Л.: Наука, 1988. 223 с.

Савченко 1914 — *Савченко С. В.* Русская народная сказка: История собирания и изучения. Киев: Тип. Имп. Ун-та св. Владимира; Акц. о-ва печатн. и изд. дела Н. Т. Корчак-Новоцкого, 1914. x + 543 с.

Смирнов 1964 — *Смирнов А.* Старофранцузский героический эпос и «Песнь о Роланде» // Песнь о Роланде. Старофранцузский героический эпос / Изд. подгот. И. Н. Голенищев-Кутузов, Ю. В. Корнеев, А. А. Смирнов. Г. А. Стратановский. М.; Л.: Наука, 1964. С. 139–172.

Смирнов 2010 — *Смирнов Ю. И.* Былины. Указатель произведений в их вариантах, версиях и контаминациях. М.: ИМЛИ РАН, 2010. 280 с.

Хойслер 1960 — *Хойслер А.* Германский героический эпос и сказание о Нибелунгах. М.: Иностр. лит. 1960. 446 с.

Ясон 2006 — *Ясон Х.* Модели и категории эпического нарратива // Проблемы структурно-семантических указателей / Сост. А. В. Рафаева. М.: РГГУ, 2006. С. 38–71 (Традиция — текст — фольклор: типология и семиотика).

Alexander 1973 — *Alexander A. E.* Bylina and Fairy Tale: The Origins of Russian Heroic Poetry. The Hague; Paris: Mouton, 1973. 162 p. (Slavistic Printings and Reprintings; Vol. 281).

Bédier 1893 — *Bédier J.* Les fabliaux: Études de littérature populaire et d'histoire littéraire du moyen âge. Paris: Bouillon, 1893. xxvii + 485 p. (= Paris: Champion, 1969).

Bédier 1912 — Bédier J. Les légendes épiques: recherches sur la formation des chansons de geste. Vol. 3. Paris: H. Champion, 1912. 477 p.

Hatto 1970 — *Hatto A.* Shamanism and Epic Poetry in Northern Asia. London: Univ. of London (School of Oriental and African Studies), 1970. 19 p. (Foundation Day Lecture).

Heissig 1979 — *Heissig W.* Gedanken zu einer strukturellen Motiv-Typologie des mongolischen Epos // Die mongolischen Epen. Bezüge, Sinndeutung und Überlieferung. (Ein Symposium) / Hrsg. von W. Heissig. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1979. S. 9–29 (Asiatische Forschungen; Bd. 68).

Jason 1975 — Ethnopoetics: A Multilingual Terminology / Compl. by H. Jason. Jerusalem: I. E. S, 1975. 89 p. (Israel Ethnographic Society Studies; Vol. 3).

Kara 1970 — *Kara G.* Chants d'un barde mongol. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1970. 351 p.

Krueger 1961 — *Krueger J. R.* Poetical Passages in the Erdeni-yin Tobči, a Mongolian Chronicle of the Year 1662 by Saγan Sečen. 'S-Gravenhage: Mouton & Co, 1961. 231 p.

Lőrincz 1970 — *Lőrincz L.* Übergangskategorien zwischen den Heldenliedern und den Heldenmärchen // Acta Orientalia (Leiden). Bd. 32. 1970. S. 141–145.

Nekljudov 1966 — *Nekljudov S. Ju.* The mechanisms of epic plot and the Mongolian Geseriad // Oral Tradition. Vol. 11. No. 1. October, 1996. P. 133–143 (Epics along the Silk Roads / Ed. by L. Honko).

Sagaster 1970 — *Sagaster K.* Die Bittrede des Kilügen baγatur und der Cinggis-Khan-Kult // Mongolian Studies / Ed. by L. Ligeti. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1970. S. 495–505.

Сокращения

СУС — Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / Сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л.: Наука, 1979.

AaTh — The types of the folktale. A classification and bibliography Antti Aarne's Verzeichnis der Märchetypen (FFC; Vol. 3) / Transl. and enlarged by S. Thompson. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, 1981 (FFC; Vol. 184).

The epic in world literature

Nekliudov, Sergei Iu.
Doctor of Philology, Professor, Centre of Typological and Semiotic Folklore Studies, Russian State University for the Humanities
Russia, 125993, GSP-3, Moscow, Miusskaia sq., 6
Tel.: +7 (499) 973-43-54
Head, Laboratory of Theoretical Folklore Studies, School of Advanced Studies in the Humanities, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Russia, Moscow, 119571, Prospect Vernadskogo, 82
Tel.: +7 (499) 956-96-47
E-mail: sergey.nekludov@gmail.com

Abstract. The heroic epic — a genre of oral and written literature consisting of tales about extraordinary actions and events in a mythological or pseudo-historical past — emerged in the period of early-state formation and of the tribal confederations that preceded it. However, it continued to flourish well after the end of this era, when earlier forms were reinterpreted (often in the spirit of national patriotism) and formed the basis of late-epic genre structures.

The archaic epic remained faithful to the mythological interpretation of narrated events, and its plots reveal biographical patterns of the archaic "heroic tale". In the "classical" epic images of epic heroes and their antagonists become demythologised, demonic foes are replaced by generalized figures of historical enemies, and epic conflicts begin to reflect real historic events. The epic, however, is not a blurred, primitive record of history, but an act of constructing a new — epic — world and a new — epic — model of history on the basis of historical recollections.

Finally, the term literary epic, commonly applied to no more than two dozen works in world literature, is used in folkloristics and literary studies to designate texts of ancient and medieval literature which supposedly directly reflect underlying oral epic traditions, but which subsequently obtained their final shape in the process of literary fixation.

Keywords: epic, archaic tradition, mythology, history, typology, "small" and "big" literary forms, text, cycle, biographical cyclisation, genealogical cyclisation, heroic tale, genre innovations, plot, motif, hero, antagonist

References

Alexander, A. E. (1973). *Bylina and fairy tale: The origins of Russian heroic poetry.* The Hague; Paris: Mouton. 162 p. (Slavistic Printings and Reprintings, 281).

Astakhova, A. M. (1962). *Narodnye skazki o bogatyriakh russkogo eposa* [Folk tales about Russian epic *bogatyrs*]. Moscow; Leningrad: Nauka. 120 p. (In Russian).

Bédier, J. (1893). Les fabliaux: Études de littérature populaire et d'histoire littéraire du moyen âge. Paris: Bouillon. xxvii + 485 p. (In French).

Bédier, J. (1912). Les légendes épiques: *Recherches sur la formation des chansons de geste*. Vol. 3. Paris: H. Champion. 477 p. (In French).

Bowra, C. M. (2002). Geroicheskaia poeziia. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (Transl. by N. P. Grintser, I. V. Ershova from: Bowra, C. M. (1952). *Heroic poetry*. London: Macmillan). 791 p. (In Russian).

Grintser, N. P. (2003). Pervye poety Evropy [First poets of Europe], 5–16. In Homer. *Iliada. Odisseia* [Iliad. Odyssey]. Moscow: AST. (In Russian).

Hatto, A. (1920). *Shamanism and epic poetry in Northern Asia*. London: Univ. of London (School of Oriental and African Studies). 19 p. (Foundation Day Lecture).

Heissig, W. (1979). Gedanken zu einer strukturellen Motiv-Typologie des mongolischen Epos. In W. Heissig (ed.). *Die mongolischen Epen. Bezüge, Sinndeutung und Üeberlieferung. (Ein Symposium)*, 9–29. Wiesbaden: Otto Harrassowitz. (Asiatische Forschungen; 68). (In German).

Jason, H. (comp.) (1975). *Ethnopoetics: A multilingual terminology*. Jerusalem: I. E. S, 1975. 89 p. (Israel Ethnographic Society Studies; Vol. 3).

Jason, H. (2006). Modeli i kategorii epicheskogo narrativa [Models and categories of epic narrative]. In A. V. Rafaeva (ed.). *Problemy strukturno-semanticheskikh ukazatelei* [Problems of structural and semantic indexes], 38–71. Moscow: RGGU. (In Russian).

Kara, G. (1970). *Chants d'un barde mongol*. Budapest: Akadémiai Kiadó. 351 p. (In French).

Khoisler, A. (1960). *Germanskii geroicheskii epos i skazanie o Nibelungakh* [The German heroic epic and the Song of the Nibelungs]. (Transl. by D. E. Bertel's from selected works by A. Hausler). Moscow: Izdatel'stvo inostrannoi literatury. 441 p. (In Russian).

Kokk'iara, Dzh. (1960). *Istoriia fol'kloristiki v Evrope* [History of folklore studies in Europe]. (Transl. from: Cocchiara, G. (1952). *Storia del folklore in Europa.* Torino). Moscow: Izdatel'stvo inostrannoi literatury. 690 p. (In Russian).

Krueger, J. R. (1961). *Poetical passages in the Erdeni-yin Tobči, a Mongolian chronicle of the year 1662 by Saγan Sečen.* 'S-Gravenhage: Mouton. 231 p.

Kuz'mina, E. N. (2005). *Ukazatel' tipicheskikh mest geroicheskogo eposa narodov Sibiri (altaitsev, buriat, tuvintsev, khakasov, shortsev, iakutov): Eksperimental'noe izdanie* [Index of common places in the heroic epic of the peoples of Siberia (Altaians, Buryats, Tuvinians, Khakassians, Shorians, Yakuts)], ed. by N. A. Alekseev. Novosibirsk: Izdatel'vo SO RAN. 1382 p. (In Russian).

Lőrincz, L. (1960). Übergangskategorien zwischen den Heldenliedern und den Heldenmärchen. *Acta Orientalia (Leiden), 32*, 141–145. (In German).

Meletinskii, E. M. (1986). *Vvedenie v istoricheskuiu poetiku eposa i romana* [Introduction to the historical poetics of epic and the novel]. Moscow: Nauka. 318 p. (In Russian).

Meletinskii, E. M. (1961). V. M. Zhirmunskii. Skazanie ob Alpamyshe i bogatyrskaia skazka [(A review of:) Zhirmunskii, V. M. (1960). *Skazanie ob Alpamyshe i bogatyrskaia skazka.* Moscow: IVL]. *Problemy vostokovedeniia* [Problems of Oriental studies]*, 1*, 177. (In Russian).

Meletinskii, E. M. (1963). *Proiskhozhdenie geroicheskogo eposa. Rannie formy i arkhaicheskie pamiatniki* [Genesis of the heroic epic. Early forms and archaic monuments]. Moscow: Nauka. 462 p. (In Russian).

Nekliudov, S. Iu. (1974). "Geroicheskoe detstvo" v eposakh Vostoka i Zapada ["Heroic childhood" in the epic of East and West]. In *Istoriko-filologicheskie issledovaniia: Sb. st. pamiati akad. N. I. Konrada* [Historical and philological studies: Collection of articles in memoriam of Academician N. I. Konrad], 129–140. Moscow: Nauka. (In Russian).

Nekliudov, S. Iu. (1994). Novotvorchestvo v epicheskoi traditsii [New-creation in epic tradition]. In P. A. Grintser, A. B. Kudelin (eds.). *Poetika srednevekovykh literatur Vostoka: Traditsiia i tvorcheskaia individual'nost'* [Poetics of medieval Oriental literatures: Tradition and creative individuality], 220–245. Moscow: Nasledie. (In Russian).

Nekliudov, S. Iu. (2003). Slavnaia gibel' doblestnogo Rolanda i tainstvennoe rozhdenie markgrafa Khruodlanda [The glorious death of brave Roland and the mysterious birth of margrave Hruodland]. In B. N. Putilov. *Fol'klor i narodnaia kul'tura; In memoriam* [Folklore and folk culture; In memoriam], 352–364. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie. (In Russian).

Nekljudov, S. Ju. (1996). The mechanisms of epic plot and the Mongolian Geseriad. *Oral Tradition, 11* (1), 133–143. (L. Honko (ed.). Epics along the Silk Roads).

Petrov, N. V. (2008). Ukazatel' epicheskikh siuzhetov [Index of epic folklore types]. In N. V. Petrov. *Bogatyri na russkom Severe: Siuzhety i arealy bytovaniia* [*Bogatyrs* in Russian North: Folklore types and areas of their distribution], 217–396. Moscow: Fond podderzhki ekonomicheskogo razvitiia stran SNG. (In Russian).

Propp, V. Ia. (1958). *Russkii geroicheskii epos* [The Russian heroic epic]. Moscow: GIKhL. 604 p. (In Russian).

Propp, V. Ia. (1945). Chukotskii mif i giliatskii epos [Chukchee myth and Gilyak epic]. *Nauchnyi biulleten' LGU* [The Bulletin of Leningrad State University]*, no. 4*, 29–30. Reissue: Propp, V. Ia. (1976). *Fol'klor i deistvitel'nost': Izbrannye stat'i* [Folklore and reality: Selected works], 300–302. Moscow: Nauka. (In Russian).

Putilov, B. (1970). O strukture siuzhetoobrazovaniia v bylinakh i iunatskikh pesniakh [On structure of plot-formation in bylinas and Yunak songs]. *Makedonski folklor* (Skopje)*, 3*(5–6), 9–24. (In Russian).

Putilov, B. N. (1988). *Geroicheskii epos i deistvitel'nost'* [Heroic epic and reality]. Leningrad: Nauka. 223 p. (In Russian).

Sagaster, K. (1970). Die Bittrede des Kilügen baγatur und der Cinggis-Khan-Kult. In L. Ligeti (ed.) *Mongolian studies*, 495–505. Budapest: Akadémiai Kiadó. (In German).

Savchenko, S. V. (1914). *Russkaia narodnaia skazka: Istoriia sobiraniia i izucheniia* [Russian folk tale: History of collecting and research]. Kiev: Tipografiia Imperatorskogo Universiteta sv. Vladimira; Aktsionernogo obshchestva pechatnogo i izdatel'skogo dela N. T. Korchak-Novotskogo. x + 543 p. (In Russian).

Smirnov, Iu. I. (2010). *Byliny. Ukazatel' proizvedenii v ikh variantakh, versiiakh i kontaminatsiiakh* [*Bylinas*. Index of texts in their variants, versions and contaminations]. Moscow: IMLI RAN. 280 s. (In Russian).

Smirnov, A. (1964). Starofrantsuzskii geroicheskii epos i "Pesn' o Rolande" [Old-French heroic epic and "Song of Roland"]. In I. N. Golenishchev-Kutuzov, Iu. V. Korneev, A. A. Smirnov. G. A. Stratanovskii (eds.). *Pesn' o Rolande. Starofrantsuzskii geroicheskii epos* ["Song of Roland". Old-French heroic epic], 139–172. Moscow; Leningrad: Nauka. (In Russian).

Zhirmunskii, V. M. (1960). *Skazanie ob Alpamyshe i bogatyrskaia skazka* [Saga of Alpamysh and the *bogatyr* tale]. Moscow: Nauka. 335 s. (In Russian).

Zhirmunskii, V. M. (1974). *Tiurkskii geroicheskii epos* [The Turkic heroic epic]. Leningrad: Nauka. 727 p. (In Russian).

Zhirmunskii, V. M. (2004). *Fol'klor Zapada i Vostoka: Sravnitel'no-istoricheskie ocherki* [Folklore of East and West: Comparative and historical essays], ed. by B. S. Dolgin, S. Iu. Nekliudov. Moscow: OGI, 2004. 464 p. (In Russian).

Nekliudov, S. Iu. (2015). The epic in world literature. *Shagi / Steps, 1*(2), 7–22